

«Экологическая цивилизация» Китая: новые вызовы или новые перспективы для России?*

И.П. ГЛАЗЫРИНА, доктор экономических наук, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, Забайкальский государственный университет, Чита. E-mail: iglazyrina@bk.ru

Е.А. СИМОНОВ, доктор охраны природы, биосферный заповедник «Даурский», международный координатор коалиции «Реки без границ», г. Дальний, КНР. E-mail: esimonovster@gmail.com

В статье анализируется возможное влияние новой парадигмы развития Китая – создания «экологической цивилизации» и нового Шелкового пути – на развитие России, и прежде всего – ее восточных регионов. Особое внимание уделено возникающим в связи с этим экономическим и социально-экологическим рискам. Рассмотрены вопросы, касающиеся российско-китайского сотрудничества в области лесопользования, энергетики и финансов. Показано, что продвижение китайской «экологической цивилизации» потенциально несет не только дополнительные возможности для развития, но и риски углубления трансграничной асимметрии и экологически неравноценного обмена. Для того чтобы минимизировать эти риски, а также обеспечить положительные результаты сотрудничества, необходимы изменения в ориентации российских институтов, регулирующих международные экономические отношения, с количественных на качественные показатели иностранных инвестиций в природно-ресурсные проекты.

Ключевые слова: «экологическая цивилизация», Шелковый путь, трансграничная асимметрия

Сибирь, Дальний Восток, Байкал – для нашей страны это и вечная любовь, и «территория мечты», и боль, и надежда целых поколений... Несметные богатства, невероятные красоты и тут же – бедность, деградация экономики и природной среды, устойчивый отток населения [1, 2]. Сменяющие одна другую программы развития востока страны декларируют цели, с которыми нельзя не согласиться, но не генерируют действенных стимулов и управленческих механизмов, необходимых для мощного рывка вперед... Общество в лице самых разных специалистов, от сотрудников РАН до Счетной палаты РФ, высказывает сомнения

---

* Изложенные в статье результаты получены в рамках исследований по Проекту СО РАН IX.88.1.6 и проекту РФФИ № 13–06–00034, а также в рамках работ РБГ, поддержанных фондами ГГФ (Global Greengrants Fund) и Витли

в достижимости целей этих документов [3], в том числе последней версии Госпрограммы по развитию Дальнего Востока и Байкальского региона, утвержденной постановлением Правительства РФ № 308 от 15 апреля 2014 г.: судя по ее целевым показателям, у нас «всё как всегда». Но оптимизм авторов программ от этого не страдает, и приходится согласиться с тем, что в России мы продолжаем наблюдать «экономiku иррациональных ожиданий» [4].

Надежды на «драйв» динамичного Китая оправдались лишь в очень незначительной степени, и это соседство создало новые проблемы [5, 6]. В этом контексте очень важен анализ происходящего у наших соседей: на эти процессы нельзя не реагировать. Приходится констатировать, что динамика экономики Китая является одним из определяющих факторов развития не только востока России, но и всей нашей страны.

Китай в очередной раз проявляет себя как великая держава и выходит в глобальное пространство с новой идеологией, которой не откажешь в амбициозности и креативности. Не грозит ли России стать не только «сырьевым придатком», но и полигоном для отходов новой «экологической цивилизации»? Станут ли заявленные ценности новой концепции стимулами или антистимулами для устойчивого развития нашей страны и как повлияют на решение ключевой задачи – повышение качества жизни на востоке страны? Не станет ли Шелковый путь «шелковым спрутом» для сопредельных с Китаем государств?

Экологическая цивилизация: концепция и дорожная карта

В марте 2015 г. Китайская Народная Республика выпустила два основополагающих документа для руководства стратегическим планированием: один – для внутреннего, а другой – для внешнего пользования.

Внутри Китая важнейшие последствия будет иметь документ «Позиция ЦК КПК и Госсовета КНР об ускорении строительства экологической цивилизации»². Несмотря на название, он не имеет ничего общего с научной фантастикой, а напротив, рутинно выпущен во исполнение решений 18-го Всекитайского

---

² URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2015-05/05/c_1115187518.htm (дата обращения: 22.05.2015); URL: http://m.russian.china.org.cn/russian/doc_1_26350_354805.html (дата обращения: 22.05.2015) .

съезда КПК, выдвинувшего план из «пяти взаимосвязанных компонентов строительства Красивого Китая»: экономического, политического, культурного, социального строительства и создания экологической цивилизации. Руководство Китая осознает, что без решения основных экологических проблем страну, несмотря на экономические и политические успехи, ждет чудовищный крах, и он не за горами.

Главная идея реформы – внедрение экологических ценностей и задач во все аспекты развития общества и воспитания людей. Цели строительства экологической цивилизации и ранее поставленные цели всестороннего построения «среднезажиточного социалистического общества» будут взаимно адаптированы. «Позиция об ускорении продвижения строительства экологической цивилизации» предлагает 10 жестких мер по созданию системы экологической ответственности и новых природоохранных стандартов. Они касаются энергоэффективности, ресурсосберегающих технологий, безотходных циклических производственных процессов, функционального экологического зонирования всех территорий, четкого проведения «красной черты» – назначения пределов допустимой нагрузки на природные объекты, внесения экологических критериев в систему аттестации госслужащих всех уровней и т. д. Всего «Позиция» содержит 30 конкретных задач и считается «дорожной картой» для более детального государственного планирования во всех сферах на пути трансформации китайского общества в экологическую цивилизацию.

Проживание руководящей верхушки страны в центре Пекина, где многие горожане носят респираторы, чтобы не задохнуться, способствует укреплению этой новой партийной линии. Многие высшие чиновники КНР ныне считают, что долгосрочное чрезмерное стремление к росту ВВП по экстенсивной модели развития привело к серьезным экологическим проблемам. В марте член Политбюро КПК вице-премьер КНР Чжан Гаоли заявил: «Мы заплатили слишком высокую цену за экономический рост», имея в виду его негативное влияние на экологическую обстановку. Заметим, что Чжан Гаоли является основным переговорщиком по газовым контрактам с Россией, которые призваны снизить зависимость Китая от угля и тем самым уменьшить загрязнение воздуха и воды.

Задачу более рационального распределения производственных сил и снижения нагрузок на среду и социум на территории страны, при сохранении темпов экономического роста и расширении зон влияния, решает параллельная масштабная программа «Шелковый путь».

«Слышен на Волге голос Янцзы...»

Китай начал пропаганду Экономического пояса Шелкового пути (или, как уточнено ныне, «одной дороги и – одного пояса») в 2013 г. Проект региональной интеграции предполагает не только создание нового евразийского транспортного и энергетического коридора, но и укрепление экономического и культурного взаимодействия во всей Евразии. Экономический пояс Шелкового пути станет «фокусом» внешнеполитической деятельности КНР в 2015–2025 гг. и важной частью плана 13-й пятилетки.

В течение предыдущих двух лет Пояс выглядел скорее лозунгом, чем планом, но 28 марта 2015 г. три ключевых министерства выпустили судьбоносный документ на семи языках с очень тяжелым названием «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века»³ (рисунок).

Это – «правила игры» по сотрудничеству с КНР в создании инфраструктуры, развитии торговли и производства на пространстве от Тихого океана до Северной Африки. *«Предлагаемый проект – это активные поиски новой модели международного сотрудничества и общемирового менеджмента, он, несомненно, послужит позитивной силой и энергией для мирного развития на всей планете. Проект взаимосвязи и интеграции поможет странам Азии, Европы и Африки свернуть и соединить стратегии развития между собой, раскрыть потенциал регионального рынка, активизировать инвестиции и потребление, создать спрос и рабочие места, расширить гуманитарные обмены между народами и взаимообогащение культур».*

То есть Китай отдает себе отчет в том, что **берет на себя миссию демурга-катализатора «новой модели мирового менеджмента»**, в условиях, когда старые модели за буксовали

---

³ URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml> (дата обращения: 20.05.2015) .

в кризисах. И, судя по реакции большинства стран региона, они готовы участвовать в таком эксперименте. При этом Китай довольно убедительно утверждает, что Шелковому пути прочие интеграционные потуги – только подспорье, ШОС – цементирующая основа, «Степной путь» Монголии – северное спрямление, Евразийский экономический союз – пространство без таможенных барьеров. Всяко лыко в строку. «Регион Шелкового пути» охватывает территорию с 4,5 млрд населения (60% населения Земли) и агрегированным валовым продуктом в 21 трлн долл. (30% мирового). «Фонд Шелкового пути», созданный Китаем для инвестиций в инфраструктуру и сопутствующие отрасли промышленности, составит 40 млрд долл. Сразу ясно, что на весь Путь его не хватит.

Источник: URL: <http://hiztory.ru/rus13-15vek/mongols.html> (дата обращения: 22.05.2015).

Географические границы действий в рамках инициативы «Шелковый пояс» примерно совпадают с территорией Монгольской империи конца XIII в. А Морской шелковый путь выходит далеко за ее рамки.

Россия будет далекой северной периферией этого огромного поля действий, но и для нее развернуты большие планы. В северо-западном и северо-восточном регионах Китай собирается использовать географические преимущества Синьцзяна как окна

на Запад, углубить обмен и сотрудничество со странами Центральной Азии, создать транспортный узел, центры бизнес-логистики и культуры, науки и образования, а также ключевой район Экономического пояса Шелкового пути... Вот, собственно, зачем России разрешили (часть трубы идет по территории КНР) строить за свои деньги газопровод «Алтай» – с ним хорошо сочетается прямая дорога из нового центра цивилизации в Западную Сибирь. КНР также хочет «использовать преимущество Автономного района “Внутренняя Монголия” как территории, примыкающей к России и МНР, улучшить железнодорожное сообщение Хэйлунцзяна с Россией, а также сотрудничество Хэйлунцзяна, Цзилиня, Ляонина с Дальним Востоком РФ в области комбинированной сухопутной и морской транспортировки».

Политики и экономисты Китая не уставая твердят о «восстановлении древнего исторического трансконтинентального коридора Шелкового пути». Возможно, эти соображения способствовали включению в концепцию Шелкового пути специального раздела⁴ «Продвижение сотрудничества между регионами верхнего и среднего течения реки Янцзы и Приволжского федерального округа РФ». Помнится, в прошлом именно такой вектор сотрудничества имел место в эпоху империи Чингизидов, точнее, при династии Юань, и была это столбовая дорога между Империей великого хана и Улусом Джучи⁵ со столицей на Волге. А тогдашняя Русь тоже была далекой бедной периферией, но те времена сохранились в народной памяти и языке очень отчетливо.

Естественно, Китай будет продвигать создание Евразийского высокоскоростного транспортного коридора «Москва – Пекин», чтобы «прорубить окно» на север. По мнению директора Института евразийского социального развития при Центре по изучению проблем развития Госсовета КНР Ли Фэнлиня, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России пока еще не полностью реализован потенциал Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей. А создание Экономического пояса Шелкового пути предоставляет благоприятный шанс для ускоренного освоения Дальнего Востока и Сибири с помощью этих магистралей. Но параллельно КНР завершит строительство еще одного Евразийского железнодорожного

⁴ URL: krpo.ru/projects/P2Дорожнаякарта.pdf (дата обращения: 25.05.2015).

⁵ В русской историографии Улус Джучи известен как «Золотая Орда».

транспортного коридора в обход Азиатской России, с координационным механизмом таможенных постов в восьми странах, и создаст бренд контейнерного поезда «Китай – Европа».

Россия 8 мая 2015 г. подписала протокол о взаимной интеграции Шелкового пути и Евразийского союза в грядущем десятилетии. Кремль выразил надежду, что в рамках Шелкового пути Китай будет вести переговоры не со странами союза по отдельности, а с его центральным органом. Согласно более частным российско-китайским договоренностям, подписанным в тот же день, партнеры начнут создание на территории России дорог и портов для экспорта кокса, нефтеперерабатывающих заводов, золотых рудников, марганцевых и иных сырьевых производств. Возможно, все это поможет Китаю более эффективно строить у себя дома экологическую цивилизацию.

Сохраним ли мы «зеленое море тайги»?

К «иным сырьевым производствам», прежде всего, относятся лесозаготовки на территории России. К «лесным» можно отнести большинство регионов нашей страны. Однако уже сейчас становится очевидным истощение доступных лесных ресурсов даже в Сибири и на Дальнем Востоке. Процессы интенсивного освоения природных ресурсов оказывают значительное негативное воздействие на лесные экосистемы [7–9], все чаще возникают риски необратимых изменений природной среды. Поэтому сейчас самый актуальный вопрос – о повышении эффективности использования лесных ресурсов без увеличения объемов рубок.

Здесь необходимо отметить огромную дифференциацию по удельным показателям эффективности использования ресурсов в различных регионах России, которую невозможно объяснить разницей породного состава и качеством леса. Например, в Забайкальском крае показатель стоимости обработки древесины и производства изделий из нее в расчете на 1 м³ заготовленной древесины составляет около 84 руб., в соседней Бурятии – 170 руб., в соседней Амурской области – 314,5 руб. А в лтайском крае, Томской и Новосибирской областях – разница уже на порядок: 1682 руб., 1183 руб. и 1853 руб., соответственно. Почти все регионы, имеющие удобные инфраструктурные условия для поставок древесины в Китай, определенно отстают по удельному показателю обработки древесины в расчете на 1 м³

лесозаготовок. Исключением является только Приморский край, где заготавливают древесину особо ценных пород.

Показателем эффективности лесопромышленного комплекса в контексте обеспечения благосостояния населения лесных регионов может служить объем заработной платы в секторе лесопереработки, приходящийся на 1 м³ заготовленной древесины (таблица).

**Удельная среднегодовая заработная плата в регионах от ВЭД
«Обработка древесины и производство изделий из дерева»
в расчете на 1 м³ заготовленной древесины: регионалы-лидеры
и «аутсайдеры» в 2011–2013 гг., руб./ м³**

Регионы	Объем заготовленной древесины, м ³			Заработная плата			
	2011	2012	2013	2011	2012	2013	2011–2013
Брянская обл.	1 708,84	1 794,27	1 718,94	254,07	280,14	275,77	269,99
Владимирская обл.	2 251,70	2 160,20	2 114,40	469,41	538,92	639,60	549,31
Костромская обл.	4 690,66	3 923,12	4 274,36	323,36	399,71	399,38	374,15
Смоленская обл.	1 852,00	1 801,20	1 762,50	289,84	361,02	316,45	322,44
Тверская обл.	3 048,40	3 357,77	3 743,86	411,30	392,96	331,74	378,67
Новгородская обл.	3 924,40	3 516,00	3 395,30	297,02	339,16	392,88	343,02
Респ. Башкортостан	3 145,50	3 275,06	3 059,59	276,46	251,44	343,74	290,55
Челябинская обл.	1 389,68	1 339,90	1 187,03	271,70	311,79	416,72	333,40
Респ. Бурятия	2 603,38	2 293,80	2 102,93	27,77	30,14	77,16	45,02
Забайкальский кр.	2 487,40	2 369,51	2 406,23	22,62	17,35	31,53	23,84
Иркутская обл.	26 075,7	25 134	26 888,3	92,35	100,53	98,98	97,29
Хабаровский кр.	7 245,00	6 939,60	5 864,90	47,38	60,77	76,84	61,66
Амурская обл.	1 838,61	1 804,08	1 469,01	20,02	24,21	37,67	27,30

Источник: расчеты К. А. Яковлевой.

Таким образом, почти все восточные регионы страны, где ЛПК в течение, по крайней мере, двух десятилетий был ориентирован на экспорт древесины в КНР, оказываются в аутсайдерах по показателю социально-экономической эффективности. Табличные данные свидетельствуют о масштабах этой дифференциации: объемы рубок в Забайкальском крае и Республике Бурятия сопоставимы с Владимирской областью, но разница в удельных показателях – практически на порядок. Аналогичная картина складывается и по бюджетной эффективности лесопереработки, как по отношению к федеральному, так и к региональным бюджетам [10]. Это говорит о том, что сочетание экономических

и институциональных факторов в восточных приграничных районах России и регионах, имеющих приемлемые инфраструктурные условия для экспорта в Китай, не способствует развитию глубокой переработки древесины и, как следствие, повышению бюджетной эффективности лесопользования.

Китай до сих пор предъявляет высокий спрос на лесоматериалы. В то же время на своей территории он практически прекратил вырубку лесов, исключительно из экологических соображений [11]. Есть все основания опасаться, что следствием создания «экологической цивилизации» в Китае станет значительное увеличение рубок леса на территории России для экспорта в КНР. Но рост объемов рубок на востоке страны уже сейчас экологически опасен, напротив, остро стоит вопрос о создании новых особо охраняемых природных территорий для сохранения биоразнообразия и экосистемных услуг [12–13]. Из этого, конечно, не следует, что надо прекратить сотрудничество с КНР в сфере лесопользования. Но надо отдавать себе отчет в том, что стихийно сложившийся за последние 20 лет формат сотрудничества не отвечает интересам нашей страны.

Существует мнение о том, что один из путей преодоления этой асимметрии в условиях катастрофической нехватки российских инвестиционных ресурсов – создание совместных предприятий (или предприятий со 100%-м иностранным, в том числе китайским капиталом) по глубокой переработке древесины на российской территории. Действительно, теоретически такая возможность есть. Однако таких предприятий в Сибири и на Дальнем Востоке очень немного, и результаты их работы далеки от декларируемых [14–15].

Ярким примером может служить проект создания Амазарского целлюлозного завода в Забайкальском крае. В течение нескольких лет реализация проекта, декларируемого как инициатива создания крупного лесопромышленного кластера, включающего целлюлозный завод, сводилась к банальному экспорту необработанной древесины в КНР. При поддержке региональных властей проект был включен в список приоритетных, получив соответствующие льготы, что сделало этот экспорт еще более рентабельным для его бенефициаров (ООО «Полярная»), но сократило платежи в бюджет страны за арендованные участки. Более того, его инициаторам удалось открыть зимний пограничный переход

через Амур на участке Покровка – Логухэ, который несколько лет функционировал практически только для вывоза древесины ООО «Полярная». Сейчас переход закрыт, но его открытие усиленно лоббируется, даже предлагается построить мост через Амур для этих целей за счет китайских инвестиций. Есть опасность, что для обеспечения завода сырьем и экспорта древесины в аренду китайским фирмам в Могочинском и Тунгино-Олекминском районах Забайкалья будет передано 3–4 млн га тайги, половина из них – территории традиционного природопользования эвенков.

Специалисты оценивают этот проект как экологически очень опасный⁶. Одна из главных проблем – при запуске проекта на полную мощность потребуются рубки порядка 1 млн м³ в год, что грозит катастрофическим истощением лесного фонда, уже и так серьезно пострадавшего от лесных пожаров последнего десятилетия⁷. Однако эта деятельность вполне укладывается в концепцию «экологической цивилизации», демонстрируя тем самым, насколько нежелательными могут быть ее последствия, если российская сторона по-прежнему будет действовать по принципу: «зеленый свет – любому иностранному инвестору, особенно крупному!».

Справедливости ради отметим, что новое правительство Забайкальского края (с 2013 г.) предприняло серьезные усилия, чтобы принудить инвесторов выполнять условия договоров аренды и следовать законодательным и нормативным актам РФ (что было далеко не всегда), однако многие специалисты считают, что проект изначально имеет непоправимые изъяны и высокие риски при сомнительной экономической целесообразности. Высказываются мнения, что китайская сторона преследует не только экономические цели.

Проекты типа Амазарского (в китайском стиле его следует назвать «Один лес – один завод – один погранпереход») способны напрочь подорвать доверие к идее строительства «зеленого» Шелкового пути, ибо создание этой новой транспортной инфраструктуры и производственной мощности приводит не к модернизации и развитию, а к социально-экологическому кризису.

---

⁶ URL: www.wwf.ru/resources/news/article/11353 (дата обращения: 22.05.2015).

⁷ URL: <http://www.forestforum.ru/viewtopic.php?f=9&t=14526> (дата обращения: 25.05.2015).

Либо Китай вместе с партнерами предпримет превентивные меры по недопущению таких «моделей сотрудничества», либо последние вскоре заставят Шелковый путь захлебнуться в конфликтах и экономической неэффективности.

Итак, продвижение китайской «экологической цивилизации» потенциально несет риски углубления трансграничной асимметрии и экологически неравноценного обмена. Для того чтобы минимизировать эти риски, а также обеспечить положительные результаты сотрудничества, необходимо изменение ориентации институтов, регулирующих международные экономические отношения, с количественных на качественные показатели иностранных инвестиций в природно-ресурсные проекты.

«Зеленый свет» Шелковому пути?

Предусмотрены ли в этой масштабной инициативе меры по соблюдению экологической безопасности и поощрению «зеленого развития»? И да и нет.

В официальной концепции проекта слова «экология, охрана среды и биоразнообразия» встречаются на каждой странице. «Необходимо строить объекты “зеленой” низкоуглеродной инфраструктуры, предотвращая негативное влияние на среду и климат... Отвести важное место концепции экологической культуры в области торговли и ответственных инвестиций» и т. д. и т. п. Документ призывает «укреплять сотрудничество в сфере охраны среды, биологического разнообразия и противодействия изменениям климата, сообща строить “зеленый” Шелковый путь»⁸.

Тем не менее эти «экологические благопожелания» пока носят несистемный, эпизодический характер и не сопровождаются ни критериями и стандартами экологической безопасности, ни ясными процедурами стратегической экологической оценки, ни внятным набором мер «зеленого развития». Даже разделов «развитие зеленой экономики» и «охрана окружающей среды» в китайском документе нет. Это не может не настораживать.

Чтобы быть эффективным и не представлять опасности для человечества, разрабатываемый сейчас проект «Шелковый путь»,

---

⁸ URL: http://english.gov.cn/policies/latest_releases/2015/05/05/content_281475101901186.htm (дата обращения: 22.05.2015) .

направленный на единение населяющих Евразию народов и государств, должен максимально учитывать коренные потребности человека в здоровой окружающей среде. Если Россия и другие страны Шелкового пути не хотят стать помойкой на задворках «экологической цивилизации», им необходимо договориться с Китаем о социально-экологических стандартах сотрудничества, не менее жестких и прогрессивных, чем те, что Китай задумал внедрить у себя на территории. В противном случае все то, что будет отторгнуто Китаем, выплеснется к соседям. Как хорошо известно населению в азиатской России и соседней Монголии, процесс этот уже идет.

Наглядный пример – «Дорожная карта развития сотрудничества между РФ, КНР и Монголией». В мае 2015 г. В.В. Путин объявил, что летом главы России, Монголии и Китая встретятся снова, чтобы обсудить этот документ – попытку сопряжения трех инициатив: Шелкового пути, Степного пути и Трансевразийского транспортного коридора. К сожалению, в проекте обстоятельного трехстороннего соглашения не только нет раздела об охране окружающей среды и «зелёном» развитии, но и вообще не затронута тема экологической безопасности. При этом документ предполагает немало взаимных обязательств по развитию угольной отрасли и энергетики без упоминания стратегической экологической экспертизы.

Следует опасаться, что такая конкретизация проекта «Шёлковый путь» приведёт к исчезновению позитивных «зелёных» элементов общей концепции. Без стратегической оценки экологических и социальных рисков планов развития, чётко прописанных механизмов экологической и социальной ответственности «Дорожная карта» будет дискредитировать идею Шелкового пути и может открыть дорогу для реализации опасных проектов. Таких, например, как создание каскада ГЭС и экспортных мега-ТЭС на маловодных реках Монголии.

Первой площадкой, на которой был поставлен вопрос о контроле за инвестициями, стал созданный в 2015 г. по инициативе Китая Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. 57 стран мира выступили членами-основателями, но половина из 100 млрд долл. начального капитала также придет из Китая. Именно этот банк будет мотором инфраструктурного строительства в Евразии.

В марте 2015 г. 250 неправительственных организаций из стран-членов Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) обратились с открытым письмом к его генеральному секретарю Цзинню Лициюню с требованиями принять за стандарт лучшие из существующих механизмов и правил социальной и экологической ответственности, уважать местные традиции, культуру и права аборигенных народов, избегать нанесения вреда экосистемам и биоразнообразию и принимать во внимание последствия изменений климата. Отдельный набор требований касается открытости, процедур оповещения, участия общественности и т. д. Данное объединение неправительственных организаций ранее осуществляло общественный контроль за Азиатским банком развития, и это помогло им организовать и быстро сориентироваться в проблеме. Другим преимуществом АБИИ является наличие в составе учредителей полутора десятков стран Европы, которые просто политически не имеют права допустить снижения планки требований в сравнении с лучшими существующими финансовыми институтами.

К сожалению, АБИИ – скорее исключение, и будет гораздо сложнее повлиять на стандарты и механизмы деятельности других источников финансирования: Фонда Шелкового пути, Банка ШОС, Банка BRICS, Банка Морского шелкового пути, Китайского банка развития и Эксимбанка КНР. Вероятно, наиболее важные требования о стандартах социально-экологической ответственности и процедурах экспертизы проектов должны быть предъявлены к самой Программе Шёлкового пути в целом и как следствие – ко всем финансовым институтам, поддерживающим её выполнение.

Экологическая ответственность в инвестиционной политике КНР

Вопросы охраны окружающей среды в Китае до 2005 г. не занимали важного места в государственной политике страны. Однако в последнее десятилетие отношение к экологическим проблемам существенно изменилось, и свидетельство тому – концепция «экологической цивилизации». При этом экологическая репутация китайских компаний за рубежом по-прежнему оставляет желать лучшего, и правительство КНР предпринимает последовательные усилия для изменения ситуации.

Государственные требования к нефинансовой ответственности компаний и инвесторов дополняют, а не заменяют соответствующие требования, выработанные самим бизнесом. Это хорошо видно на примере Китая, который на государственном уровне все больше озабочен поведением своих компаний за рубежом и предпосылками долгосрочного ведения бизнеса в принимающих странах. С 2006 г. китайское правительство приняло ряд обращений и рекомендаций для компаний, инвестирующих за рубежом, а в 2007 г. Министерство торговли и МИД Китая опубликовали «Положение о дальнейшем регулировании развития зарубежных проектов на контрактной основе», где указано, что компании должны уважать местные обычаи и осуществлять защиту местной окружающей среды. «Руководство по иностранным инвестициям и сотрудничеству», «Девять принципов Государственного совета по стимулированию и регулированию зарубежных инвестиций Китая», принятые в 2010 г., и «Административный регламент зарубежных проектов на контрактной основе» 2008 г. требуют, чтобы китайские предприятия защищали окружающую среду и соблюдали местные законы и нормы социальной ответственности при реализации своих проектов.

В феврале 2013 г. министерства торговли и охраны окружающей среды КНР опубликовали «Руководства по охране окружающей среды при осуществлении иностранных инвестиционных проектов и сотрудничества»⁹, предписывающие китайским компаниям «своевременное выявление и упреждение экологических рисков, следование принципам социальной ответственности в области охраны окружающей среды, создание положительного образа китайских компаний и поддержания устойчивого развития в принимающих странах».

В сентябре 2014 г. Министерство международной торговли КНР опубликовало новую рамочную политику в области зарубежных инвестиций, поясняющую общий порядок предъявления различных требований к проектам в других странах и учет международного законодательства в этой деятельности. Помимо требований государственных ведомств, китайские компании должны соответствовать требованиям кредитующих их банков, таких как

---

⁹ URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/b/bf/201302/20130200039930.shtml> (дата обращения: 22.05.2015) .

Китайский экспортно-импортный банк, а также международных финансовых институтов (например, Гонконгской биржи) к оценке рисков. И хотя механизмы нефинансовой ответственности в Китае обычно считаются менее прозрачными, чем на Западе, они существенно влияют на поведение компаний.

Китайские государственные банки дополнительно разрабатывают собственные стандарты ответственности и процедуры экспертиз. Например, Эксимбанк КНР еще в 2008 г. в «Руководстве по проведению экологической экспертизы при рассмотрении займов» декларировал свое право инспектировать проекты и объекты до, во время и после их создания на средства займов, требовать исправления нарушений, прерывания контрактов и раннего возврата средств при неисполнении требований и т. д. Банк обязывает проводить Оценку воздействия на окружающую среду (ОВОС) по стандартам страны-получателя, но по факту предпочитает оценку, выполненную международными консультантами (известны случаи отложенных проектов из-за отсутствия/несоответствия ОВОС).

На сайте банка пропагандируется политика «зеленых займов», предполагающая, что банк сознательно уменьшает число «грязных проектов» и стимулирует заявки на проекты «зеленой экономики» и технологические инновации для увеличения энергоэффективности¹⁰. Но, несмотря на это, именно данный банк ответствен за десятки и сотни проектов ГЭС, осуществляемых китайскими компаниями за рубежом, которые часто сопряжены со значительным экологическим ущербом. В России Эксимбанк Китая особенно активен в энергетическом и добывающем секторах, поддерживая партнерские проекты китайских и российских компаний.

Опыт укрощения «гидры»

Фактор пристального внимания государства к экологической ответственности китайских компаний создает в России определенные возможности для конструктивного диалога с инвесторами из КНР, который, при определенных усилиях, может принести положительные результаты.

---

¹⁰ URL: <https://www.chinadialogue.net/blog/7878-Civil-society-call-for-China-led-development-bank-to-foster-green-growth/en> (дата обращения: 22.05.2015).

Так, международная коалиция «Реки без границ» (далее РБГ) занимается мониторингом, оценкой и обеспечением участия граждан в программах охраны и использования трансграничных рек и уделяет особое внимание ГЭС в бассейнах Амура и Байкала. К сожалению, большой помехой для работы РБГ является активная пропаганда энергетическими корпорациями ложного тезиса о том, что ГЭС являются экологически безопасными «зелеными» источниками энергии, на том лишь основании, что в результате их деятельности выделяется меньше парниковых газов, чем от угольных ТЭС. К сожалению, в алгоритмы оценки устойчивости энергетических проектов многими инвесторами и правительствами, в том числе «благодаря» стараниям «зеленых», вошел именно такой половинчатый критерий измерения воздействий, что способствовало неконтролируемому росту инвестиций в гидроэнергетику.

Крайне разрушительный характер воздействия ГЭС на речные бассейны и жизнь людей, их населяющих, диктует необходимость налаживания содержательного диалога с энергетическими корпорациями, и особенно их инвесторами, дабы повлиять на критерии выбора мест для создания ГЭС, избежать либо минимизировать экологический и социальный ущерб при создании и эксплуатации ГЭС. Естественно, что в идеале надо также стимулировать их на инвестирование в иные сегменты возобновляемой энергетики, но это – тема для другой статьи.

Основная проблема заключается в том, что измерение экологического и социального риска начинается на поздних стадиях планирования, практически при подготовке конкретного проекта, а стратегическую оценку для сравнения рисков от разных вариантов использования и охраны речных бассейнов в России производить никто не обязан. Подготовка в 2008–2015 гг. схем комплексного использования и охраны водных объектов во всех крупных бассейнах России продемонстрировала полную неадекватность российских нормативов и институтов бассейнового планирования этой задаче. В КНР с 2011 г. уже существует требование к общекосмическому планированию и стратегической экологической оценке развития гидроэнергетики, но на практике оно пока реализуется достаточно плохо и часто вовсе не в природоохранных целях. Для заполнения этого пробела экспертами коалиции РБГ была разработана простейшая экспресс-методика сравнения эколого-экономических параметров разных сценариев

размещения ГЭС в одном и том же бассейне. Методика была успешно апробирована на примере Амурского бассейна [16–17]. Один из важных обнадеживающих результатов заключается в том, что, например, в Амурском бассейне один и тот же объем генерации электроэнергии на ГЭС может быть достигнут при 13-кратной разнице в ожидаемых негативных экологических воздействиях. К сожалению, пока развитие гидроэнергетики в трансграничном Амурском бассейне, где уже имеется 18 крупных ГЭС, шло по сценарию, сопряженному с максимально негативными воздействиями.

В 2010–2014 гг. эта методика была одним из инструментов в диалоге между общественными природоохранными организациями, экспертным сообществом, государственными ведомствами, а также энергетическими компаниями и инвесторами. Мы расскажем только о взаимодействии с китайскими инвесторами по вопросу о ГЭС на реке Шилка, не касаясь всей остальной огромной работы по предотвращению создания этой плотины, проведенной учеными и активистами Забайкалья и Амурского региона при большой поддержке Всемирного фонда дикой природы WWF и даже местных властей. Механизм достижения этой победы – предмет совершенно отдельного рассказа.

При рассмотрении вопроса о создании Транссибирской (Шилкинской) ГЭС в верховьях Амура, предложенной компанией Евросибэнерго (дочка En+ О. Дерипаски), для сотрудничества с китайскими партнерами коалиция РБГ многократно обращалась к потенциальным китайским инвесторам, например, в корпорацию «Три ущелья», с предложением обсудить социально-экологические риски. Коалиция последовательно информировала корпорацию о негативном общественном мнении по проектам крупных ГЭС, ценности и ранимости экосистемы Амура, недопустимости строительства плотин в его главном русле, иных разумных ограничениях на освоение его бассейна, а также о потенциальных рисках, связанных с инвестициями в российскую энергетику, и путях их снижения. В 2013 г. корпорации и Экспортно-импортному банку КНР был передан доклад о подходах к оценке воздействия гидроэнергетики на речные бассейны, с результатами оценки проекта Транссибирской ГЭС, а также сравнениями с 40 другими вариантами ГЭС в Амурском бассейне. С какой стороны на нее ни смотри, данная ГЭС замыкала пятерку худших, вслед за плотинами в главном русле Амура.

В марте 2014 г. в Пекине состоялась очная встреча представителей РБГ и исполнительного вице-президента корпорации «Три ущелья» Линь Чусюэ. Китайские партнеры заявили об осознании того факта, что гидростроительство в бассейне Амура сопряжено с большими рисками из-за его трансграничного положения и глобально значимых уязвимых экосистем. Они заверили в своей заинтересованности в установлении обоснованных общебассейновых норм допустимого воздействия на экосистемы и создании комплексных планов управления речными бассейнами как базе для планирования проектов с наименьшим негативным воздействием, отметив, что ранее обсуждавшийся с российскими партнерами проект ГЭС на Шилке более не рассматривается как перспективный для инвестиций, и поблагодарив за аргументированную позицию, разъясняющую недостатки этого и других проектов, которая передавалась корпорации¹¹ в 2012–2013 гг. Они также сообщили, что «Три ущелья» – не только гидроэнергетическая компания, и готова расширять свои вложения в крупные комбинированные ветро-солнечные комплексы за границами КНР, там, где есть условия для доставки энергии потребителям.

Тем не менее в начале 2015 г. компания «Три ущелья» все-таки решила рассмотреть возможность сотрудничать с «РусГидро» в создании мифических «противопаводковых» ГЭС на притоках Амура. Она подписала меморандум по участию в достройке и эксплуатации Нижне-Бурейской ГЭС, а главное – обещала содействовать экспорту её энергии в Китай, ибо в России электричество этих станций в обозримом будущем не найдет применения. Поскольку с позиций общебассейновой оценки воздействие Нижне-Бурейской ГЭС в десятки раз меньше, чем Транссибирской, коалиция РБГ с оптимизмом готовится продолжить диалог с инвесторами.

Все сети ведут в Пекин – энергетика Шелкового пути, экологические издержки и их экспорт

Весьма симптоматично, что первым официально запущенным проектом на Шелковом пути стала не дорога, а электростанция. Фонд Шелкового пути вскладчину с МФК (International Finance

---

¹¹ URL: <http://www.transrivers.org/2013/934> (дата обращения: 22.05.2015).

Corp) готов поддержать создание силами корпорации «Три ущелья» ГЭС Карот на реке Джелум в Пакистане с установленной мощностью всего в 700 МВт. Но в рамках реализации программы «Экономического коридора Китай – Пакистан» в дальнейшем предполагается довести мощность совместно создаваемых ГЭС до десятков гигаватт.

Развитие энергетики – не менее важный аспект Шелкового пути, чем транспорт. В руководящих документах по этому поводу сказано: «Укреплять сотрудничество в сфере взаимосвязанности энергетической инфраструктуры; ... стимулировать строительство трансграничных ЛЭП и коридоров передачи электроэнергии; активно осуществлять сотрудничество по модернизации региональных электросетей. Активно содействовать сотрудничеству в сферах гидроэнергетики, атомной энергии, ветроэнергетики, солнечной энергии и других видов экологически чистой и возобновляемой энергии, а также в сфере обработки и внедрения энергетических ресурсов на месте их образования». Плановых цифр пока нет, но мерещится до боли знакомое «чем больше, тем лучше». Тем более что генеральная линия компартии КНР – вынесение угольной электроэнергетики из густонаселенных районов куда только можно, в том числе и за пределы страны.

В 2007–2011 гг. в КНР была сформирована программа развития угольной отрасли, предусматривающая создание десятков крупных угольно-энергетических комплексов в менее населенных, но безводных провинциях севера и запада страны. Многие из них привели к масштабному исчерпанию водных ресурсов на окружающих территориях. Общественные организации, прежде всего «Гринпис Северо-Восточной Азии», провели ряд исследований и начали кампанию «Жажда угля», привлекающую внимание к проблеме. В течение года эту кампанию поддерживала Шанхайско-Гонконгская банковская корпорация, проведшая для своих вкладчиков и клиентов специальный анализ рисков инвестиций в угольную отрасль в маловодных районах Китая. И вскоре китайские инвесторы усвоили, что прежде чем инвестировать в угольную промышленность, необходимо проверить, насколько проект обеспечен водой.

Результатами осознания проблем загрязнения воздуха и дефицита воды сегодня стали сокращение ранее заявленной программы развития угольно-энергетических баз КНР и активные попытки вынести их на территорию Монголии, России, Бирмы и др. Некоторые последствия этого процесса на территории Монголии не могут не вызвать опасений за возможный ход аналогичного «сотрудничества» в России.

В частности, коалиция «Реки без границ» вынуждена заниматься проектами водозабора из реки Керулен¹², текущей из Монголии в Китай. Активно разрабатываемый под патронатом правительства Монголии проект переброски вод Керулена в пустыню Гоби отвечает на требование потенциального кредитора (Экспортно-импортный банк КНР) показать, что проекты индустриального парка в г. Сайншанд и экспортной мега-ТЭС Шивээ-Овоо обеспечены устойчивым водоснабжением на десятилетие вперед.

Ирония заключается в том, что это разумное требование буквально повторяет рекомендацию, данную Гринпис в докладе «Жажда угля». Вопрос в том, откуда вода и можно ли ее оттуда брать постоянно? Наши изыскания показывают, что при осуществлении такой переброски вод экосистема степной реки Керулен будет катастрофически нарушена, и это негативно повлияет на условия жизни 100 тыс. чел. в Монголии и Китае. Коалиция РБГ готовится обратиться в Экспортно-импортный банк КНР с доказательствами существенных рисков такого варианта водоснабжения Шивээ-Овоо и Сайншанда и отсутствия гарантий устойчивого водоснабжения.

Это – лишь один яркий пример проблем при развитии энергетики, и только на территории Монголии. Нам уже известны четыре энергетических проекта с вероятными китайскими инвестициями и потребителями, которые чреваты конфликтами.

Вопросы сотрудничества в области энергетики – одни из самых острых и дискуссионных в контексте реализации идеологии «Экологической цивилизации» и Шелкового пути. Им будет посвящена следующая статья.

---

¹² Kherlen River: Lifeline of the Eastern Steppe. URL: <http://www.transrivers.org/2015/1515> (дата обращения: 22.05.2015) .

Литература

1. *Калугина З.И.* Человеческий капитал приграничных регионов Сибири // ЭКО. – 2014. – № 11. – С. 70–87.
2. *Литвиненко Т.В.* Социально-экологические последствия трансформации использования природных ресурсов в восточной части России в постсоветский период // Известия Российской академии наук. Серия геогр. – 2012. – № 3. – С. 40–53.
3. *Ломакина Н.В.* Минеральный сектор экономики в Госпрограмме развития Дальнего Востока: целевые задачи и ожидаемые результаты // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2013. – № 3. – С. 22–29. URL: <http://www.mba-journal.ru/archive/2013/3/> (дата обращения: 22.05.2015).
4. *Крюков В.А.* Экономика иррациональных ожиданий // ЭКО. – 2014. – № 12. – С. 2–4.
5. *Минакир П.А.* Экономика регионов. Дальний Восток. – М.: Экономика, 2006. – 848 с.
6. Природный капитал региона и российско-китайские трансграничные отношения: перспективы и риски / Под ред. И.П. Глазыриной, Л.М. Фалейчик; Забайкал. гос. ун-т. – Чита: ЗабГУ, 2014.
7. *Блам Ю.Ш., Машкина Л.В.* Лесной комплекс России в контексте «зеленой» экономики // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2014. – Т. 3. – № 1. – С. 64–68.
8. *Ulybina O., Fennell S.* Forest certification in Russia: challenges of institutional development // Ecological Economics. – 2013. – V. 95. – С. 178–187.
9. *Колесникова А.В.* Основные проблемы и вызовы в развитии отечественного лесного комплекса // ЭКО. – 2013. – № 11. – С. 5–25.
10. *Глазырина И.П., Жадина Н.В., Яковлева К.А.* Сравнительный анализ социально-экономической эффективности регионального лесопользования // Вестник ЗабГУ. – 2014. – № 11 (114). – С. 95–103.
11. *Ласкин С.* С 1 апреля в провинции Хейлуцзян прекратятся промышленные вырубki лесов. URL: <http://www.novayagazeta.ru/news/319371.html> (дата обращения: 06.05.2015).
12. Современные проблемы экологической безопасности трансграничных регионов / Под ред. О.В. Корсуна. – Новосибирск: Наука, 2013. – 319 с.
13. *Корсун О.В., Михеев И.Е.* Социально-экономическое значение создания новых особо охраняемых природных территорий в российско-китайском приграничье // Вестник ЗабГУ. – 2014. – № 12. – С. 129–137.
14. *Антонова Н.Е.* Лесной комплекс Дальнего Востока: реалии и возможности российско-китайского взаимодействия // ЭКО. – 2014. – № 6. – С. 40–55.
15. *Антонова Н.Е.* Нужна ли господдержка лесному комплексу Дальнего Востока? // ЭКО. – 2015. – № 7. – С. 16–34.
16. *Егидарев Е.Г., Симонов Е.А.* Комплексный анализ воздействий планируемых ГЭС на экосистемы реки Амур при их каскадном (сценарном) размещении. Географические и геоэкологические исследования на Дальнем Востоке: сб. научных трудов молодых ученых. – Владивосток: Дальнаука, 2011. Вып. 7–8. – С. 223–230.
17. *Глазырина И.П., Егидарев Е.Г., Михеев И.Е., Симонов Е.А.* Экологический демпинг в планах развития Сибири и Дальнего Востока // ЭКО. – 2012. – № 10. – С. 35–51.